

Учитывая характер господина, он никогда открыто не проявлял неприязнь к тем, кто ему был неприятен. Однако этот Су Жому заставил хозяина даже не утруждать себя притворством. Они никогда не видели, чтобы господин так сильно ненавидел мужчину, поэтому их просто интересовало, почему это так.

Услышав его слова, Сюань Цзи опустил глаза, вспомнил тот поцелуй, и гнев в нем лишь закипел.

— Всего лишь бесстыдный негодяй.

Сегодня он хотел убить его, но, увидев, что Линь Сюй тяжело ранен, решил не связываться с ним. Но если будет следующий раз, он непременно отрубит ему голову. Этот бесстыдный негодяй осмелился напасть на него, и он заставит его узнать, что смерть от тысячи порезов уготована ему специально.

— Как он?

— У молодого господина Линя сломана рука, я уже вправил кость, с остальным всё в порядке. Господин, вы действительно верите, что такой человек может быть внуком князя?

— Толстый как свинья — это ладно, мы проверили его: пьянство, азартные игры, разврат — всем он занимается, и не только этим, но еще и играет с мальчиками в борделях. Как такой извращенец может быть внуком старого князя?

Старый князь был мудрым и проницательным, очень уважаемым старейшиной в Поднебесной, а потомок такого поведения станет посмешищем для всего мира.

— Приведи его.

Сюань Цзи встал, приказывая Нань Вэю помочь ему одеться.

Нань Ю быстро поднялся и вышел наружу.

Нань Вэй взял одежду и с почтением, но проворно стал одевать его и причесывать. Вскоре перед ним предстал красивый и благородный мужчина, узкие глаза излучали мягкость, но не теряли авторитета, заставляя других не сместь смотреть прямо.

Линь Сюя, поддерживая руку, пригласили в комнату. Увидев Сюань Цзи, холодно восседающего на главном месте, он тут же опустился на колени.

Бам.

Сила, с которой он ударился коленями, заставила Нань Вэя почувствовать, будто пол задрожал. Если он действительно единственный законный внук старого князя, то, узнав, что тот растолстел до такого состояния, старик, наверное, выпрыгнул бы из гроба.

— Приветствую ваше высочество, князь.

Линь Сюй только что узнал, что спас его сам нынешний князь, и от страха у него душа чуть не улетела, но в то же время он тайно обрадовался.

Он слышал об этом князе: не только красивом, но и мягком, благородном, обладающем огромной властью. Он был первым кандидатом в мужья для всех женщин Поднебесной. Не ожидал он, что князь появится в Лянчэне и спасет его.

Такая удача заставила его восхищаться собой. Если он сможет привязаться к этому князю, то в этой жизни будут и богатство, и слава!

Взглянув на него, Сюань Цзи на мгновение показал отвращение в глазах, но тут же скрыл его, и он холодно посмотрел сверху вниз на коленопреклоненного Линь Сюя.

— Эта нефритовая подвеска, имеет ли она к тебе отношение?

Он вытащил из рукава превосходный кусок белого жадеита, разжал пальцы, державшие красный шнурок. Белый, теплый нефрит с изящно вырезанной птицей, резьба была великолепной, явно работа мастера.

Нефрит слегка покачивался, сверкая на солнце мягким светом, великолепным и ослепительным.

Линь Сюй смотрел на нефрит в его руке, старательно приоткрыв свои маленькие глазки, чтобы взглянуть на Сюань Цзи, но обнаружил, что совершенно не может прочесть ни одной эмоции на его лице.

Спокойный и бесстрастный, невозможно было понять, рад он или гневается. Опустив голову, Линь Сюй посмотрел на нефрит в руке Сюань Цзи, чувствуя легкое смятение. Этот нефрит принадлежал тому самому Су Жому. Зачем князь его ищет?

— Да.

Он машинально кивнул, а затем облегченно вздохнул. Эту подвеску он носил много лет, и она естественно стала его собственностью.

Что до Су Жому, убить его можно и позже.

— Тебя воспитала семья Линь, говорили ли они что-нибудь о твоём происхождении?

— Нет! — Линь Сюй твердо покачал головой. — Мама сказала, что меня подкинули на дорогу, на мне была только эта подвеска и какая-то детская одежда, больше ничего. Что-то случилось, ваше высочество?

Услышав его слова, взгляд Сюань Цзи потемнел, и он бросил взгляд на Нань Вэй.

Нань Вэй быстро подошел и резким движением разорвал одежду на его груди. Увидев шрам от ожога, его лицо изменилось.

— Что это?

Небрежно вращая в руках чайную чашку, Сюань Цзи равнодушно поднял веки и холодно посмотрел на него.

Почувствовав его пронизывающий взгляд, Линь Сюй вздрогнул, и волосы на спине встали дыбом.

— Это... в детстве шалил, обжёгся, остался шрам.

— У тебя на груди есть родинка в форме цветка?

Линь Сюй еще не заслуживал того, чтобы с ним говорили загадками. Сюань Цзи смотрел на

него, выражение лица было мягким, но взгляд — острым.

— Этого я не знаю. Но мама говорила, что вроде была какая-то родинка, какую форму — давно забыл. После ожога родинка исчезла, остался только шрам размером с ладонь, уже не проходит.

Линь Сюй утвердительно покачал головой.

— Ступайте.

Откинувшись на спинку стула, Сюань Цзи с холодным лицом нетерпеливо махнул рукой, показывая, что они могут уходить.

Теперь с большой долей вероятности можно сказать, что Линь Сюй — родной внук старого князя.

Если Линь Сюй действительно он, он отвезет его в столицу, обратно в княжескую резиденцию, и это также успокоит мысли матери. Думая об этом, Сюань Цзи слегка скривил губы в легкой улыбке.

Грохот.

В апреле гром гремел, мелкий дождь моросил, ветер дул от окна, вызывая сонливость.

В чайной Су Жому смотрел на женщину перед собой, изысканно и богато одетую, за которой стояли многочисленные служанки и слуги, и на его губах появилась насмешливая улыбка.

Юй Да держал чашку чая, сделал глоток, набравшись храбрости, посмотрел на величественную Юэ Жоя, чувствуя в душе мешанину из пяти вкусов.

Это была женщина, которую он любил несколько лет, он отдал ей все свое сердце, а в итоге получил лишь фразу «дурак».

По сравнению с прежней покорностью и почтительностью, нынешняя Юэ Жоя была полна гордости, где бы ни села, заставляя смотреть на себя.

— Что вам нужно?

Слегка приподняв подбородок, Юй Да с тяжелым тоном посмотрел на нее.

— Теперь вы добились своего, как вспомнили о нас, простолюдинах?

Она преследовала свои богатство и славу, зачем приходите к ним?

Почувствовав отчуждение в его глазах, Юэ Жоя печально опустила голову и пила чай.

Су Жому не верил, что она испытывает вину.

— У наложницы князя Цзи цвет лица отличный, не даром женщина, которая ухватилась за власть.

Юэ Жоя на мгновение застыла, затем подняла легкую улыбку, в которой сквозила скрытая гордость.

— Господин Су, вы смеетесь. Сегодня я пришла, чтобы поговорить с Юй Да о кое-каких делах. Взглянув на молчаливого Юй Да, она улыбнулась, но в уголках глаз была скрытая холодность. Она достала из рукава шкатулку, поставила на стол и пододвинула к Юй Да.

— За эти два года благодарна за заботу господина Юя, Юэ Жоя бесконечно признательна.

Эти слова, как иглы, вонзились в и без того раненое сердце Юй Да, мгновенно заставив его почувствовать острую боль.

Глядя на шкатулку перед собой, он подумал: «Господин Юй»? Какое отчужденное и насмешливое обращение. Действительно, Жому прав, ее сердце никогда не было с ним.

Моргнув, он скрыл грусть в глазах и мягко отодвинул шкатулку обратно к ней.

— Не нужно. Наложница Юэ, мы просто обычные друзья, нет необходимости быть таким вежливым.

Внезапно встав, он посмотрел на Су Жому.

— Жому, пошли.

— Хорошо.

Бросив взгляд на ту женщину, Су Жому встал и вместе с ним пошел вниз.

Позади, глядя на их уходящие спины, Юэ Жоя смотрела на шкатулку перед собой, и в глазах пробежал странный блеск.

На улице, глядя на снующих людей, Су Жому явно почувствовал, насколько подавлен его друг.

Он подошел и положил руку ему на плечо.

— Ладно. Лучше раньше понять. Хочешь, я с ней разберусь?

— Нет, — Юй Да покачал головой и тихо сказал. — Это ее выбор, я любил ее, не ожидая ничего взамен.

Юй Да не знал, что когда он говорил это, его лицо выражало такую печаль и боль, что улыбка казалась выжатой из слез.

— Пошли, выпьем по одной.

Положив руку на плечо друга, он легонько ударил его кулаком в грудь. Су Жому в душе ненавидел Юэ Жоя так сильно, что хотел убить.

Зная, что тот пытается его утешить, Юй Да улыбнулся, закинул руку ему на плечо, в улыбке со слезами было столько трогательности.

— Жому, познакомиться с тобой — это самое счастливое событие в моей жизни.

Отец хотя и ко мне хорошо относился, но редко был рядом, только Жому. Все говорят, что он бессердечный и холодный, но только я знаю, что Жому человек, который очень ценит чувства.

С таким хорошим братом, о чем еще грустить?

— Пошли.

Два брата закинули руки друг другу на плечи и, разговаривая, пошли в сторону игорного дома.

Шитоу быстро накрыл на стол, они достали выдержанное вино и выпили по стакану.

— Жому, выпьем за нашу свободу!

<http://bllate.org/book/16720/1537218>